

Торжество советской демократии

Советский народ готовится к выборам в Верховный Совет СССР. В нашей стране это не только серьезная политическая кампания, но и большой всенародный праздник. Рабочие, крестьяне, интеллигенция встречают его новыми успехами на фронте труда, науки, культуры.

В успехах советского народа трудящиеся и прогрессивные люди всего мира видят превосходство высшей формы демократии — демократии победившего социализма — над противившейся фальшивой «демократией» капиталистических стран.

Болтовня о «демократии» служила буржуазии на всем протяжении ее истории лишь ширмой для прикрытия диктатуры ничтожного меньшинства — магнатов капитала, крупных землевладельцев и т. п., эксплуатирующих подавляющее большинство народа. Ныне насковоз противившаяся буржуазная демократия не может выпадать даже этой роли. Неизмеримо возросло сознание рабочего класса и трудящихся, необъятный размах демократического и национально-освободительного движения по всем мире приводит в трепет заправил империалистического лагеря, побуждают их ликвидировать последние остатки «народных прав» и «свобод», которые буржуазия осмелилась допустить в период своего процветания. «Демократия» в Соединенных Штатах Америки, в подчиненных и подчиняемых им странах перестает в открытую полицейскую диктатуру, широко используя «опыт» и «достижения» Гитлера, Муссолини и Хирохито.

Сколько бы ни пугали трубадуры империализма о «свободе личности», «гражданстве», «демократии» и тому подобных «пределах» американского образа жизни, усилению называемого ныне парадом всех континентов, они не в силах сыграть от простых людей мира того факта, что «национальная свобода» имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода» (И. В. Сталин).

Советская демократия обеспечивает самое активное и при том решающее участие миллионов масс народа во всех областях общественной жизни, непосредственное участие их в управлении государством. Наша Сталинская Конституция, наша избирательная система служат всемерному развитию этой активности. Деятельность почти полтора миллиона армии депутатов Советов — лучшее тому свидетельство.

Знакомые с демократическими порядками в Советском Союзе, трудящиеся капиталистических стран не могут не сравнить их с порядками у себя дома, где вся машина «демократии» направлена на отстранение простого человека от государственных дел, где избирательство в лучшем случае «раз в несколько лет» позволяет респектабельной и представительной угнетающей массе быть в парламенте представителем и показывать их» (В. И. Ленин). Каких только юридических уловок, хитроумных способов не придумано буржуазными политиками для отстранения широчайших масс от всякого влияния на управление государством! Каких только жульнических машин, подлогов, фальсификаций не применяется для того, чтобы не пропустить в парламент или в органы управления подлинных представителей народа!

В США, например, при последних выборах президента только в пяти южных штатах с помощью насилие и угрозы были лишены избирательного права два миллиона негров. Широко известен тот разгул попойки, шантажа и фальсификаций, которым сопровождалась все выборные кампании в этой стране, столь шумно рекламирующей свою «демократию».

Ныне американские избирательные права широко экспортируются в страны Европы и Азии, которым США намерены навязать свое господство. Примером могут служить недавние выборы в Норвегии, правящие круги которой не остановились перед применением самого грубого подлога, чтобы лишить депутатских мандатов коммунистов. Несмотря на чудовищную травлю компартии буржуазной печатью и радио, несмотря на жульнические махинации с бюллетенями, норвежская компартия собрала 102 тысячи голосов и, несмотря на 9 или 10 миллионов в стортище, норвежское правительство, по-

лучившее приказ Уолл-стрит, умудрилось с помощью новых подлогов и юридических крючкотворства не дать компартии ни одного места!

Если такие дела творятся в стране, считающейся одной из наиболее демократических буржуазных стран, то что же можно спрашивать с таких «демократических»

государств, как Филиппины? «Поддерживаемая американцами система образования», — писала «Газет энд Дейли» 21 ноября прошлого года, — сыграла главную роль в том, что на Филиппинах более здраво понимают демократические идеалы, чем во многих латиноамериканских странах. Это «здоровое» понимание выразилось, очевидно, в том, что, как признает та же газета, кандидат в президенты Кирино, которого поддерживали США, «...использовал методы террора и запугивания в борьбе со своими политическими противниками». Выборы сопровождался убийствами и наглым пренебрежением ко всякой законности. «Кирино», — пишет американская печать, — считается слабым руководителем, не способным разрешить широкие экономические проблемы. Но Кирино настроен проамерикански. После того как он снова оказался у власти, американцы уверены в том, что они сохранят свои стратегические позиции на Филиппинах и что американские деньги будут пользоваться теми привилегиями, какими они пользуются в настоящее время». Вот в чем секрет «успехов» президента Кирино на филиппинских выборах!

А ведь Филиппины изображаются по-разному примененными американской «помощью» остальным районам.

Нечто подобное готовится и для европейских империалистических стран. Если в этом кто-либо сомневается, — пусть взглянет на Грецию, где расправляется американский посол Грейли!

Но надеждам американских экспансионистов не суждено воплотиться в действительность. Растет и крепнет мощное движение народных масс за мир, за демократию, за национальную независимость. Великим воодушевляющим примером служат им в этой борьбе расцвет могучей социалистической демократии в СССР. Под солнцем Сталинской Конституции народы Советского Союза добились невиданных успехов. За четыре года послевоенной сталинской пятилетки промышленность, транспорт, сельское хозяйство не только достигли, но и превзошли довоенный уровень. Непрерывно растет благосостояние советского народа, расширяется его культура и искусство, крепнет международный авторитет социалистического отечества всех трудящихся.

Самые малые, отсталые в прошлом народности вышли на путь прогресса, живут зажиточно и культурно.

Готовясь к выборам, они подводят итоги своих достижений. Например, в дождливой Якутии, коренные народы которой, в прошлом поголовно неграмотные, были обречены на вымирание, ныне имеется большой отряд национальной интеллигенции — в республике более 600 школ с 65.000 учащихся, филиал Академии наук, педагогический и учительский институты. Завершена ликвидация неграмотности.

Трудящиеся Бурят-Монголии изучают на своем языке произведения классиков марксизма-ленинизма, русской и мировой художественной литературы, в национальном театре слушают «Евгения Онегина» и смотрят «Лебединое озеро».

Что может противопоставить этому хотя бы такая страна древнейшей культуры, как Египет, которую «благословения» капиталистического рабства низвели до полной хозяйственной и культурной деградации? 75 процентов населения Египта неграмотны. На недавно проходивших там выборах большинство избирателей приходилось указывать место, куда поставить крестик на бюллетене. Зато на этих выборах не было недостатка во всех атрибутах буржуазной «демократии»: в ходе предвыборной борьбы было убито 10 человек.

Можно ли удивляться, что в этих условиях угнетенные народы всего мира обращают взоры в сторону нашей Родины — светоча прогресса и демократии, страны, расцветавшей под солнцем мудрой Сталинской Конституции!

Советские люди, горячо признающие большевистскую партию, советскому правительству, великому Сталину, с сознанием высокой гражданской ответственности готовы осуществить на выборах в Верховный Совет СССР великие права, предоставленные им Сталинской Конституцией.

Торжество социалистической демократии — демократии высшего типа наполняет сердца советских людей влюбленным чувством патриотической гордости. Наш народ влив в ней залог своих новых великих побед, новых успехов в борьбе за коммунизм, за мир во всем мире.

Дневник пленума

Заключил работу XIII пленум правления Союза советских писателей СССР. 1 февраля я на утреннем заседании 2 февраля продолжался прения по докладу А. Фадеева о литературной критике. В них приняли участие: Ф. Някин (Таджикистан), С. Васильев, Т. Семухин (Москва), В. Дружин (Ленинград), П. Березов (Москва), Р. Азиев (Туркменстан), С. Третьяков, А. Перенцев, А. Сурков, В. Бутусов (Москва), Б. Джумаев (Казахстан), А. Яшин, Д. Сельвинский, А. Югов (Москва), Э. Толчин (Армения), Н. Гривачев, А. Баузин, В. Ермаков, П. Пустовойт, А. Софонов, К. Симонов. Прения завершились заключительным словом А. Фадеева. Отчет о прениях будет опубликован в следующем номере.

Вечернее заседание 2 февраля было посвящено утверждению резолюции по докладу К. Симонова о легкой литературе. Секретариату Союза советских писателей СССР

поручено также подготовить решение по докладу А. Фадеева, в котором должны быть поделены итоги обсуждения на пленуме вопросов литературной критики и назначены меры к ее решительному улучшению.

Пленум ввел в состав правления Союза советских писателей СССР В. Азиева, С. Васильева, М. Бугеннова, Н. Гривачева, В. Ермакова, Б. Полевое, Э. Казакевича, В. Панову, А. Перенцева, А. Малышко, П. Бровку, А. Кузнецова, М. Ибрагимова, М. Турсун-заде, М. Ауэзова.

Правление пополнило состав президиума Союза советских писателей СССР, избрав в него М. Бугеннова, Н. Гривачева, А. Перенцева, М. Турсун-заде, П. Бровку, Б. Полевого, М. Ибрагимова.

Пленум утвердил избрание А. Суркова и П. Панферова в члены секретариата Союза советских писателей СССР.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (2602)

Суббота, 4 февраля 1950 г.

Цена 40 коп.

XIII пленум правления Союза советских писателей СССР

О ЗАДАЧАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. ФАДЕЕВА

Послевоенное развитие нашей страны проходит под знаком выдающихся успехов в строительстве хозяйства и культуры. Под руководством партии большевиков, вдохновленный великим гением Сталина, советский народ уверенно идет к коммунизму.

Неизмеримо выросла международная роль нашего социалистического отечества. Мы живем в период величайшего торжества учения Ленина-Сталина. Кажется, что само время доказывает всем прогрессивным людям мира справедливость этого великого учения и одновременно полное банкротство буржуазной мысли.

Люди на собственном опыте убеждаются, что современная буржуазная мысль не только не способна вывести человечество из экономического и духовного кризиса, порожденного империализмом, но все больше отталкивает человечество в пучину этого кризиса. И в то же время они видят реальные успехи социалистического строительства и в области хозяйства, и в области культуры, и реальные успехи, скажем так, в области идеологии.

Послевоенный период можно назвать периодом развернутого наступления прогрессивной идеологии нового мира, мира социализма, на распадающийся идеологический уклад старого мира капитализма. Наша великая партия большевиков продолжает за это время гигантскую идеологическую работу, благодаря которой весь наш повседневный труд, труд детей, труд культуры нашей страны, направленный на небывалую идейную расчистку пути для победы коммунизма в нашей стране и для прогрессивного развития всего человечества.

Эта гигантская идеологическая работа партии обеспечивает в нашей стране расцвет художественной литературы, утверждающей в сознании людей социалистический строй жизни, литературы — провозвестницы новой коммунистической морали, нового слова в художественном развитии человечества. И каждый шаг в этой идеологической работе партии — шаг вперед.

Всем мире: вызывает бешеный, озлобленный наш партия, сбивает друзей социализма, заставляет признавать над выборами своего пути людей колеблющихся.

В августе 1946 года было принято известное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Утверждение это с необходимостью побуждало к размышлению, к размышлению о литературе, о самой передовой литературе в мире — стоит в том, что у нас нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов социалистического государства. В этом замечательном постановлении нашей партия утверждает принцип, впервые провозглашенный великим Лениным, принцип партийности литературы.

«В чем же состоит этот принцип партийности литературы?» — писал Ленин. — Не только в том, что для социалистического строительства литературное дело не может быть оружием наживы или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долг литераторов беспартийный! Долг литераторов сверх-человеческий! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...»

Постановление ЦК ВКП(б) помогло нам, советским писателям, глубже осознать великий принцип партийности — основу основ литературы строимого коммунизма, помогло нам разоблачить наших противников и нанести сокрушительные удары проповедникам и проводникам антинародного, индивидуалистического и живого принципа аполитичности и безидейности литературы.

Мы научились распознавать наших противников и тогда, когда они выступают под флагом так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства», под флагом формализма и эстетства. Теперь все или почти все советские литераторы понимают, что этот обветшалый флаг означает не любовь к своему народу, к прогрессивному пути развития человечества, а это свидетельствует одновременно и об упадке подлинного искусства. О каком искусстве может идти речь, когда из него выпадает общественный человек в его развитии, а вместо него выступает так называемая «чистая форма»? Такой чистой формы нет и быть не может, это концы искусства.

Партия научила нас распознавать врагов ленинского принципа партийности литературы и, когда они выступают под флагом грязного физиологического натурализма, который ставит целью осквернение человека, особенно советского человека. В современной буржуазной идеологии эстетство, формализм и грязный натурализм фактически сливаются в одно целое, как знак вырождения. Именно этим отличаются современные «художественные» произведения буржуазного искусства — все эти Сартры, Джайсы и т. д.

Нам кричали и кричат наймиты империализма за рубежом, что требование партийности искусства якобы ликует художнику тему, сюжет, форму. Нет, господа, отвечаем мы, здесь дело не в предписании формы, чего на самом деле нет и быть не может, а в том, что ваша форма означает распад искусства.

Еще великий Ленин, провозгласивший

принцип партийности литературы, писал: «Споры нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». В нашем уставе Союза писателей записано, что наш стиль — стиль социалистического реализма — обеспечивает художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей, жанров.

Значит, не о форме, как таковой, ведем мы споры с наймитами империализма, а мы боремся против их презрения к человеку, к его прогрессивному развитию, и мы протестуем против этого загнивания и вырождения в искусстве.

Понимание сущности вопроса помогло нам разоблачить формалистическую школу в литературной науке.

Большую роль сыграло разоблачение школы Александра Веселовского, как главного источника низкопоклонства перед буржуазным Западом в области литературной науки.

За это время потеряла крах так называемая теория «единого потока». Мы рассматриваем всю историю литературы в ее конкретном историческом развитии и в свете борьбы классов. Нам пришлось вновь и вновь повторить старые истины о Догматизме, о том, что этот человек, с его реакционной идеологией, всю жизнь боролся против революции, не может быть назван прогрессивным писателем. Пришлось вновь и вновь, опираясь на гениальные работы Ленина, подвергнуть критике реакционные стороны воззрения Толстого и то, как они отражаются в его творчестве. Мы подвергли критике и то несправедливое, что было во взглядах великого пролетарского писателя Горького. Стало особенно ясно видно, что исправление ошибок великим писателем производилось под огромным идейным влиянием Ленина и Сталина. Нам пришлось подвергнуть критику, в которых замалчивались, скрывались аполитизм Чехова.

Мы подчеркнули значение в истории литературы ленинского принципа партийности литературы.

За это время мы нанесли крупнейший удар всем и всяческим проявлениям, перелеткам и прерасходам национализма, и стало видно, что национализм в литературе — не что иное, как наймиты иностранного капитала.

Но особенно большое значение имел разбор групп критиков-антипартийцев, групп безродных космополитов. Теперь уже всем ясно, что идеология космополитизма — это флаг, с которым выступил, главным образом, американский или англо-американский империализм для того, чтобы подвигнуть в народы их стремление к национальному развитию, чтобы осуществить свою империалистическую экспансию; что американский империализм использует для этого всякие средства, выдвигает лозунги всемирного братства, поощряет в разные страны, вроде Франции, своих наемных агентов, которые кричат, что надо отказаться от своей национальности и стать «гражданами мира».

Американский империализм мобилирует всякого рода «своих» современных литераторов, вроде Андре Жида, Томаса Эдвардса, которые выступают в защиту этого космополитического принципа.

Современные литературные «идеологи» буржуазного Запада предлагают два, так сказать, выхода из тупика: продолжать гнуть дальше — вот один выход из тупика.

Другие пытаются повернуть на рельсы ложного оптимизма, защиты империалистической действительности.

Литературное вырождение сопровождается там крахом научной мысли в объяснении всех общественных и в том числе литературных явлений.

Французский журнал, который носит название «Свобода духа», прямо говорит, что «критика короля и действительно радикальна, только если она не научна, поэтому брожение в умах лучше научной критики».

А как вообще положение литературной критики в Западной Европе и Америке? Ежемесячник «Туморроу» пишет: «Критики в Америке нет. Помните это в самом широком смысле слова, начиная с литературной беседы у мамы или в харчевне; нет критических рецензий; нет «критических» вообще. Есть несколько академиков, вроде нас. Есть 900 тысяч белых «немых и гонимых скотов» из Клуба лучшей книги за месяц; и еще большее стало в Литературной пещи. Остальное — молчание... У нас нет рецензий. Попробуйте пристроить куда-нибудь в печать критический анализ творчества писателя. Попробуйте поместить его хотя бы бесплатно. Это невозможно. Для него нет места».

Критика там просто пропала. Франсис Хэксетт в книге «По поводу суждения о книгах (вообще и в частности)» говорит: «Грезный взгляд на американскую печать в 1947 году не оставляет никакого сомнения в идейном убожестве рецензентов. Они шумят, кричат, славословят и не удовлетворяются степенями ниже превосходной... «Надо утихомирить публику», — говорят в рекламных агентствах. «Надо утихомирить публику», — говорят в Голливуде. После этого еще удивляться, почему в России, где все это делается совсем иначе, говорят о протестировании нами искусства...»

Вся борьба, которую наша партия ведет против антипартийцев группы критиков, против безродных космополитов, — это была борьба за утверждение самого передового принципа искусства — ленинского принципа партийности, ибо только на основе этого принципа расцветает само искусство. Нам нужно всегда помнить, что мы создаем литературу нового общества, литературу коммунизма. Этим объясняется, почему партия повела нас на борьбу против проявлений космополитизма в области литературы, почему эта борьба, несмотря на то, что космополитов безродных было не так много, носила довольно ожесточенный характер, почему она охватила почти все наши республики. Она велась и на Украине после разгрома там буржуазного национализма, она велась сейчас до наших республик в Прибалтике.

И пусть безродные космополиты не думают, что это была какая-то временная кампания.

Этой борьбой во всех ее проявлениях партия расчищает путь для дальнейшего подъема художественной литературы и литературной критики.

За это время партия преподала нам чрезвычайно серьезные уроки партийности. Партия пришлось поправлять литературную критику в оценке романа «Молодая гвардия» за неверное изображение партии. Партия пришлось критиковать, вопреки моему мнению, уже создавшемуся у руководства союза, повесть Б. Симонина «Дым отечества». Партия подвергла критике пьесу А. Софорова «Карьера Бекетова» и пьесу В. Коженикова «Огненная река» за идейные ошибки, поляны на этом примере очень высоко борьбу за идейно-художественный уровень советской литературы, за повышение ее художественного качества.

Только недавно мы были свидетелями принципиальной критики романа В. Катаева «За власть Советов» в статье М. Бугеннова в «Правде», где раскритикован роман, главным образом, тоже за неверное изображение партии, за нарушение правды жизни и за выходящее за эти пределы художественные недостатки книги.

Эти примеры того, как много и внимательно занимается партия воспитанием кадров нашей художественной литературы и нашей литературной критики.

Конечно, это не могло не сказаться на том, что и в области литературной критики мы имеем известные успехи.

Если взять современное положение нашей русской критики, то она уже довольно успешно разделяется с писательской теорией «единого потока». У нас появились книги о революционных демократах, которые мы действительно можем рекомендовать и в наших школах и в высших учебных заведениях. Можно назвать здесь три тома «Литературного наследства», посвященные Некрасову, книгу Я. Зиссбергера о Герцене, книгу С. Макашина о Салтыкове-Шчилине, книгу М. Полякова «Беллинский в Москве», В. Печасова о молодом Белинском. Эти книги тоже не лишены тех или иных недостатков, больших или меньших, но книги эти являются достижениями нашей критической мысли. Среди работ критиков в национальных республиках можно назвать книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века» Г. Гусейнова, который высоко поднял и верно истолковал великое наследие М. Ахундова и других, книгу казахского литератора Салмакова «Педагогические идеи и просветительная деятельность Алтынсарина». Правда, у автора есть еще несколько критическое отношение к этому делу, но общее объяснение места и роли этого передового деятеля Казахстана в книге дано верно.

Давно ли мы на пленуме критиковали наших армянских товарищей за уход в далекое прошлое, говорили, что они в должной мере не понимают своих демократов-просветителей, революционных демократов? А теперь появились первые работы о Налбандяне (например, Т. Аселяна «Восмущенный материалист» или В. Нартизиан «Беспартийный критик буржуазно-Занала», в 1947 году вышла книга А. Боскериана «Литературные взгляды Степана Шаумяна». Конечно, это еще первые шаги, но это движение вперед.

Несомненно, сейчас более точно и исторически правильно пишут у нас о классиках. Достаточно упомянуть, например, работы, связанные с названием академического собрания сочинений Пушкина, работы наших литературоведов, например, Д. Благого и других, также связанные с юбилеем Пушкина. В. Ермаков переработал свою книгу о Чехове, которая была в свое время справедливо раскритикована за известную идеализацию Чехова. Теперь выпало новое издание книги.

Почти во всех республиках вновь работают над историей литературы. Вышел первый том «Истории казахской литературы», появились первые тезисы истории белорусской литературы, написанные Б. Борисенко и И. Гуторыком. Этот процесс происходит везде.

В последнее время появились несколько критик, посвященных современной литературе.

Была удачная книга Л. Скорина о П. Бажове, где давалась обоснованная характеристика творчества этого писателя. Можно назвать обстоятельную книгу В. Мозолюкова «Янка Бупала», дающую

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:	
1 стр.	Передовая. Торжество советской демократии.
1 и 2 стр.	XIII пленум правления Союза советских писателей СССР. Доклад А. Фадеева «О задачах литературной критики».
3 стр.	Юрий Някин. Сельский киномендик — агитатор, пропагандист. Мирзо Турсун-заде. За горами Таджикистана. Пятидесятилетие М. Исаковского.
4 стр.	В. Гольдманский. Лженаучные вымыслы проф. Н. Козлова. Н. Рубинштейн. Лейбористские прислужники американского империализма. «Сухие дни» в Нью-Йорке.

правильную картину развития белорусской литературы.

Полезная работа Н. Маслина «Владимир Маяковский». Недостатком этой книги является то, что автор почти не говорит собственно о поэтике Маяковского.

Две книги — «Идеи и образы советской литературы» А. Тарасенкова и «Книги и жизнь» Е. Усевич — представляют собой сборники статей. Там есть хорошие статьи, памятные нам. У А. Тарасенкова есть статья о космополитизме в литературоведении, которая в свое время очень сильно ударила по «школе» Веселовского. В книге Е. Усевич есть статья, справедливо критикующая романы С. Сергеева-Пенского «Брусиловский прорыв» и «Путь выдвигают».

Но в то же время там есть и статьи совершенно случайные и статьи, с которыми надо polemизировать, например, статья Е. Усевич о Маяковском, высказывания А. Тарасенкова о некоторых поэтах. Вообще, с моей точки зрения, такого типа сборные, не напечатанные книги надо избегать, казавать до тех пор, пока, так сказать, само человечество их не соберет за себя, почувствовав в этом насущную потребность.

Можно отметить ряд статей, посвященных современным проблемам литературы и имеющих принципиальное значение или потому, что они были в идейную точку и поднимали актуальные вопросы, или же потому, что давали действительно научный и серьезный анализ творчества писателя. Я могу назвать статью К. Симонова «Задачи советской драматургии и театральная критика», ставившую проблему борьбы с космополитизмом на конкретном материале драматургии и театральной критики, статью А. Караваева «Оруженики космополитизма», упомянутую статью А. Тарасенкова «Космополитизм от литературоведения» (журнал «Новый мир»), статью В. Папкова «Формализм и эстетика профессора Яценко» («Свобода»).

Удачна была статья Л. Скорина «Новаторство и формализм» («Новый мир»). Эта статья правильно критиковала формалистическую школу С. Веселовского («Небольшой Рудой») и доказала, что С. Веселовский, этот поэт не поворот в области формы, что он здесь в плену старой формы, благодаря которой живая тема советского патриотизма поменялась абстрактной темой «жизни и смерти».

Нашу хорошую статью Н. Леонтьева «Затянуло к будущему» («Новый мир»), где автор разоблачал всякого рода жезакademicкие теории в области фольклора. Эта статья вызвала целую дискуссию.

Мне кажется ценной статья В. Ермакова «О дурном сознательстве», потому что она справедливо критикует крупные недостатки романа Ф. Панферова «Большое искусство».

Принципиальное значение для развития детской литературы имела статья П. Емельяновой в «Комсомольской правде». Эта статья подняла коренные вопросы детской литературы и заставила пересмотреть весь этот фронт.

Подобного рода статьи и работы можно назвать и в наших братских республиках. Среди них есть такие, как работа М. Ауэзова «Трагичность русского реализма и казахская литература» (альманах «Дружба народов») или статья Мехти Гусейнова «Заметки об азербайджанской советской литературе» (там же), являющиеся первой попыткой поставить принципиальные политические вопросы при рассмотрении современной азербайджанской литературы.

Очень плодотворную дискуссию вызвала работа Л. Климовича «За марксистско-ленинское освещение истории литературы и искусства народов Средней Азии и Азербайджана» и его выступления на эту тему в «Литературной газете».

Статья армянского критика О. Мамиконяна — «Советская армянская драматургия и театр после исторического постановления ЦК ВКП(б)» была серьезным ударом по безродным космополитам в Армении.

Я хочу специально остановиться на статье астонского литератора М. Лосона «О некоторых вопросах литературоведения и литературной критики».

Надо сказать, что в наших прибалтийских республиках — в Латвии, в Эстонии, в Литве — с запозданием начали борьбу с низкопоклонством перед Западом, главным образом, потому, что боялись разрушить приятельские отношения. Ибо в современной литературе Латвии, Эстонии и Литвы остались представители тех течений, которые нужно было бы очень серьезно раскритиковать.

В Эстонии после 1905 года было создано литературное объединение «Молодая Эстония», которое до сих пор привыкло трактовать как нечто прогрессивное в развитии эстонской литературы. На деле же это была буржуазная, декадентско-формалистическая группа, которая сложилась под влиянием чуждых, западно-европейских влияний. Осложки этого объединения под разными названиями долго сохранялась в буржуазной Эстонии. Когда Эстония стала советской, часть людей, примыкавших к этому течению, ушла за рубеж, как враги астонского народа, часть притаилась внутри, скрыв свои взгляды, а некоторые пересмотрели свои взгляды и стали советскими писателями.

Критик П. Андерсен, который долгое время подвизался на арене современной эсто-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2 СТР.

О ЗАДАЧАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Доклад генерального секретаря Союза советских писателей СССР А. ФАДЕЕВА

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ НА 1 СТР.

ской литературы, много сделал, чтобы изобразить всю прошлую буржуазную декадентскую пущу в Эстонии, как нечто прогрессивное и, таким образом, помешать разоблачению этих вредных взглядов.

Заслуга статьи М. Лоосона в том, что он бесстрашно вскрыл чуждые влияния и их исторические корни. Среди профессуры высших учебных заведений Прибалтики существует еще немало людей, которые читают лекции по старым канонам, по старым учебникам и прививают неверные взгляды молодежи. Поэтому надо приветствовать работу М. Лоосона, как большевистский труд, который наносит удар буржуазным теориям и помогает эстонской литературе выйти на путь социалистического реализма. Правда, нужно сказать М. Лоосону и другим критикам, которые делают эту большую очистительную работу в Эстонии, Латвии и Литве, что не обязательно всех, кто принадлежал к буржуазным течениям в прошлом, расценивать теперь как людей, чуждых нам. Великий опыт советской литературы показывает, что люди переоснащаются. Необходимо избежать сектантства, надо быть по действительным буржуазным вылазкам и переоснащать людей честным.

Я привел примеры удачных выступлений наших критиков, чтобы показать: верные устремления у наших критиков — наличие, у нас есть кадры, которые могут работать правильно.

Все-таки все-таки, что по сравнению с развитием художественной литературы наша критика слаба, она не только отстает от общего развития, она особенно слаба перед лицом тех задач, которые перед ней встают.

Надо одновременно указать на причины этой слабости. Первая причина — это отрыв большинства критиков от современности, оставшийся в наследство от буржуазного литературоведения, разделение критиков на литературоведов, занимающихся только прошлым, и критиков, занимающихся только современной литературой, причем последнее соотношение не в пользу критиков, занимающихся современностью.

Из 200 критиков, членов Московского отделения ССП, фактически не больше пятидесяти занимаются современной литературой. Такое же вопиющее соотношение по Ленинграду. Если взять наши национальные республики, то при незначительном количестве критиков там тоже больше людей занимаются историей литературы, чем современностью.

Этим вредным разрывом объясняется и то, что в области литературоведения до сих пор еще господствуют очень много вредных буржуазных пережитков и наветных догматических буржуазных литературоведческих взглядов. Их трудно вырывать, потому что в среде литературоведов существует еще своего рода круговая порука.

Сейчас наступила пора, когда мы особенно должны заняться вопросами преподавания литературы в высших учебных заведениях. До сих пор литературные факультеты МГУ, Педагогического института им. Герцена в Ленинграде, многие другие литературные вузы Москвы, Ленинграда и периферии издают «Ученые записки» с полным отрывом от проблем современности и современной литературы. «Ученые записки» вузов должны служить неким научным фондом студенчеству и молодым критикам и литературоведам. А между тем для них вплоть до самого последнего времени были характерны всевозможные, полное отсутствие общественного и партийного подхода к литературным явлениям. Неоткрытый слит, правда, неметастас. Я просмотрел выпуск № 81 «Ученых записок» Ленинградского педагогического института им. Герцена. И там уже не всевозможные, но они только еще пошли до революционных демократов, дальше они еще не продвинулись.

В статье Е. Ковальчик «Псевдоученые записки» убедительно критиковались «Доклады и сообщения» филологического факультета МГУ, где проф. П. Черных занимался исследованием на тему «К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны», где опубликована неверная статья Л. Поспелова о проблемах романтизма, сваливающая в одну кучу Пушкина, Бюшгера, декабристов, Марлинского, а с другой стороны — Погодина и Шевырева.

В 127 выпуске «Ученых записок» МГУ помещена работа А. Поляка о книге Горького «По Руси», полная ложных, давно-давно раскрытых и опроверженных представлений о Горьком.

Очень убедительна была статья А. Лейтеса «Антинаучные измышления под видом диссертаций». Оказывается, что из всех кандидатских и докторских диссертаций, защищенных за последние 5 лет, 212 были посвящены истории русской литературы доктябрьского периода, 158 — истории зарубежной литературы, а современной русской советской литературе — всего 24 диссертации. Тут же убедительно разбирается диссертация Т. Васильевой о мало известном английском писателе Лендере. Я тоже думаю, что пока наша молодежь могла бы обойтись и без Лендера.

В Ленинградском университете диссертация Г. Чечельницкой была посвящена теме «Русская литература в творчестве Р. М. Рильке». А кто такой Рильке? Крайний мистик и реакционер в поэзии.

В ленинградской печати сообщалось о Государственном научно-исследовательском институте театра и музыки, где единственная актуальная работа Е. Лобина «Эстетика советского театра» пишется вот уже два года и на нее израсходовано уже 60 тысяч рублей. А научный сотрудник Д. Шупер трудится над темой «Эстетические принципы формализма», очевидно, думая, что он продолжает необходимую для нас работу по разоблачению формализма, а на деле в современных условиях это выглядит как пропаганда формализма.

Учебников по современной литературе и

по русской классической литературе для вузов нет, по западноевропейской литературе до сих пор пользуются старыми, дезориентирующими учебниками Когана, Фриче и т. д. Нет книг, которые характеризовали бы прогрессивных писателей Западной Европы, совершенно нет работ по литературе Китая, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Албании, Румынии и Венгрии. Пришло время с этим кончать. Пора, наконец, нам проникнуть в эту «литературу». Пора поставить вопрос серьезно перед Министерством высшего образования — до каких пор мы будем портить головы нашей молодежи, прививать ей не ленинские принципы партийности, а устаревшие буржуазные взгляды на литературу? Как же мы сможем потом избежать ошибок в нашей критике, если люди с молодых лет учатся по ошибочным работам?

Результатом неестественного, противоречащего ленинскому принципу партийности разрыва на критиков и литературоведов объясняется то, что с таким трудом и так медленно мы устраним пережитки буржуазного национализма в так называемых «литературоведческих» работах, то-есть в работах о прошлом, появившихся в национальных республиках. До сих пор имеют место прямые националистические выкладки, как это было, например, в Киргизии, в работе Т. Саманчина о поэте-песеннике Молдо Кылыче. До сих пор в ряде работ сохраняется представление о «едином потоке» развития литературы. Можно назвать изданную Таджикистаном в 1949 году «Хрестоматию по литературе для VIII класса средней школы», составленную Х. Мирзо-заде. То же самое можно сказать о «Хрестоматии по татарской литературе XX века», составленной М. Гайнуллыным и Л. Вазисовой, изданной в 1947 году.

Серьезные ошибки были в учебнике казахской литературы для восьмых классов, написанном К. Джамалыевым, в котором не все исправлено и в новом издании 1948 года, хотя в целом хрестоматия значительно улучшилась.

Мы должны сделать так, чтобы историей литературы и современной литературой занимались одни и те же люди, партийные и непартийные, чтобы они смотрели на литературу в прошлом и настоящем с точки зрения Ленина и Сталина. Тогда и новые кадры будут воспитываться верно и мы ликвидируем крупнейший недостаток в развитии нашей критики.

Признаком слабости нашей критики является и то, что она недооценивает, на какой международной исторической вышке она находится, и очень мало атакует проявления буржуазной идеологии за рубежом. Критика почти не касалась литературы стран народной демократии.

Она не помогала зачастую разобраться в том, что там происходит. Так, например, на всевозможных международных съездах и конференциях поднимается венгерский теоретик Георг Лукач (он когда-то был и у нас). Многие в его деятельности вызывают серьезное сомнение. Казалось бы, как человек, прошедший много лет в советской стране и знающий ее духовную жизнь, Лукач должен был бы понимать значение правдивой информации о нашей духовной жизни для стран народной демократии. Однако он всеми средствами замалчивает культурный опыт СССР. Вызывает возражения его трактовка вопросов партийности литературы, как они даны в статье «Партийная поэзия», вышедшей в книгу «Литература и демократия». Лукач пишет: «На практике... часто встречается столкновение между поэзией и всегда существующим в партии и народе одержимым верхом сектантским духом» (стр. 127).

Почему это он усматривает обязательность сектантского духа в партии и почему, собственно, партийная поэзия должна приходить в столкновение с партией?

Взаимоотношения поэта и партии у Лукача выглядят очень странно. «Партийный поэт», — пишет он, — никогда не бывает ни вождем, ни рядовым солдатом, — он всегда партизан. Лукач признает, что поэт-партизан находится все-таки, так сказать, в душевном согласии с линией партии. «Однако внутри нее», — пишет Лукач, — он действует индивидуальными средствами, за свой страх и риск» (стр. 131).

Так отрицается возможность руководства партии идеями искусства. В оценке всякого рода буржуазных теорий Лукач исходит из своеобразного «объективизма», чтобы не сказать больше. Он находит рациональное зерно даже в экзистенциализме.

Лукач пишет, что книга Сартра вышла в 1943 году, что-то в такое время, когда уже были видны перспективы освобождения от фашизма, когда под влиянием десятилетнего господства фашизма стремление к свободе было как раз главным стремлением интеллигенции всей Европы... Короче говоря: свобода, как миф, как раз в своей бесконечной сущности могла объединить под свое знамя всех тех, кто были врагами фашизма, независимо от того, по какой причине и исходя из какой перспективы ненавидели они его... Таким образом, становится понятным, что такое настроение впоследствии распространилось, высоко подняло экзистенциализм, как адекватную философию определенного течения эпохи» (книга «Кризис буржуазной философии», стр. 142).

Он считает, что «жестокость реальности эпохи империализма принудила буржуазных мыслителей к философским поискам «третьего пути».

Одним словом, он ищет оправдания для буржуазной идеологии и для ее совместного сосуществования с нашей идеологией.

В статье «Демократия и культура» Лукач стремится разоружить критический социалистический культуру в странах народной демократии.

Он пишет: «...Ключ к разрешению вопроса следует искать в том, что сейчас по всей Европе развивается новая демократическая культура без того, чтобы изменялась материальная основа общества, ка-

питалистический способ производства. Каждый рассуждающий, который желает приблизиться к сущности вопроса, должен исходить из этого основного факта. До тех пор, пока не существует субъективных и объективных предпосылок для социализма, противопоставлять социалистическую культуру капиталистической можно разве только пропагандистски. Но это противопоставление не ведет к решающим вопросам новой демократической культуры. Новая демократия, как мы увидим, может привести к существенным сдвигам в культуре, социальной и дозволенной капитализмом, но было бы вредной, тормозящей практикой, заманивающей демократическое сознание масс, мешающей утончить говорить о социалистической культуре до тех пор, пока существует капиталистический строй» (стр. 15).

Таким образом, Лукач стремится здесь разоружить интеллигенцию стран народной демократии на пути строительства социалистической культуры в борьбе с капиталистическими элементами.

Большим недостатком нашей критики является то, что в ней почти нет обобщающих статей. Если просматривать 4 наших толстых журнала за истекший 1949 год, то во всех этих журналах за год помещено всего 11 статей и 54 рецензии о прозе. Даже рецензий напечатано очень мало, если учесть, что за этот год в «Советском писателе» вышло 128 произведений художественной прозы, в «Ленинградце» — 114 произведений классики и 37 произведений современной прозы, причем очень много книг за это время вышло на периферии.

То же самое происходит в журналах братских республик.

Большим недостатком нашей критики является то, что она категорически и решительно, за редкими исключениями избегает художественной оценки произведений.

В Перлов в статье о С. Шмидте («Литературная газета») видит успех поэта в том, что стихи его проникнуты оптимизмом, что его творчество неразрывно связано с современностью, что поэт ставит социалистический труд, что в его стихах возникает образ советского человека. Все это правильно, но неужели в стихах других хороших советских поэтов этого нет?

М. Матусовский в своей статье о М. Исаковском («Новый мир») пишет так: «Поэт кровно связан с жизнью своего народа, живет его радостями и заботами, мечтами и думами... Поэзия Исаковского высоко патристична, она всеми своими корнями уходит в родную почву». Все это верно. Но неужели другие хорошие советские поэты не уходят, так сказать, корнями в родную почву, не живут мечтами и думами своего народа?

По этому же типу написана рецензия Е. Доматовского на книгу К. Симонова «Друзья и враги». Е. Доматовский пишет, что стихи Симонова выразительны и возвышенны, насыщены большим общественным содержанием. А разве стихи других хороших советских поэтов не насыщены этим содержанием?

Таким образом, без художественной оценки, выделения индивидуальности и своеобразия поэтов все они становятся похожими на одно лицо.

В подобных статьях произведения поэтов оцениваются, кроме того, как изолированные явления, взятые вне связи с советской поэзией в целом и с развитием творчества данного поэта.

Аналогичные статьи, лишённые, с одной стороны, художественного анализа, а с другой, попытки поставить явления литературы в связь между собой, печатаются и белорусский журнал «Полымя» и украинский журнал «Вітчизна».

Сильно вредит нашей критике еще неизжитая ею групповщина. Возьмем, для примера, литературную критику в журнале «Октябрь». Все авторы, печатающиеся в журнале, не встречают на его страницах должной критики, наоборот, всех их неумеренно восхваляют.

Очень часто пишется там о редакторе журнала Ф. Панферове, но только с положительной оценкой и всегда в превосходной степени.

А что же ругают на страницах журнала «Октябрь», что встречает там критику клясу или просто осуждают? За это время они осудили «Бурю» И. Эренбурга, «Брухлиху» В. Пановой, «Знаменосца» О. Гончара, кисло отозвались о «Звезде» Я. Кавказе, с большими оговорками приняли «Счастье» П. Павленко, напечатали заумную статью П. Березова о стихах А. Барто.

Нельзя сказать, чтобы в журнале «Октябрь» не было и хороших статей. Здесь можно назвать статью З. Гусевой «Лве формы семьи, два понимания нравственности». Вас. Иванова «За советский патристизм в литературе и литературной критике». А. Велика о «Повести о детстве» Ф. Галахова.

Но обращает на себя внимание этот подбор критики, который вытекает из ложного представления руководителей журнала, будто нужно поднимать только писателей, которые вышли из «Октября», и в какой-то мере «помянуть» писателей, выпавших из «Октября».

Обращает на себя внимание также книга С. Трегуба «Живой с живыми». В этой книге есть положительные моменты. Ценно стремление изучить поэтику В. Маяковского, который редко кто сейчас занимается в целом. Автор хочет в свете огромных идейных и поэтических достижений В. Маяковского критически взглянуть на весь процесс развития нашей литературы. Это — благо дело. И там, где он критикует отдельные поэты, это полезно, отчетливая работа. Но как автор не понимает того, что В. Маяковский нельзя противопоставлять большинству советских поэтов, нельзя понимать только тех поэтов, которые в своей поэтике наиболее близки к интонации Маяковского! Конечно, нам нужно покончить с попыткой отвергнуть плодотворность поэтической учебы у Маяковского. В этом С. Тре-

губ прав. Но он готов записать поэтов от всех упреков, даже от идейной критики, если только они похожи на Маяковского. У Трегуба речь идет о Н. Асееве и С. Кирсанове, а из молодых — о Г. Горностее. Эта защита неверна по двум причинам.

Во-первых, что касается поэзии Н. Асеева и С. Кирсанова, то их поэтическая зависимость от Маяковского чрезвычайно преувеличена. Это поэты с вполне самостоятельным лицом, самостоятельной поэтической интонацией.

А во-вторых, нельзя забывать о том, что Н. Асеева критиковали в свое время в нашей печати прежде всего за его идейные ошибки (например, во время войны), а не потому, что он близок к Маяковскому. У С. Кирсанова критиковали поэму «Небо над Родиной» не за следование Маяковскому, а за то, что она формалистична.

Мне кажется, что точка зрения С. Трегуба — тоже проявление групповщины.

Советская критика должна быть принципиальной, исходить из интересов государства, народа. Это критика, которая должна убеждать свое правительство, но в результате своей теоретической слабости, отрыва от живой жизни, наличия приятельских отношений наша критика часто проявляет беспринципность.

К сожалению, все эти недостатки свойственны и руководству Союза писателей и руководству наших журналов. И это тоже очень путает критику.

Мы всегда должны помнить об уроках, которые нам преподала партия в разборе явлений литературы, когда беспринципность сказывалась и в руководстве Союза писателей, и в ряде журналов, и в поведении отдельных критиков. Мы должны серьезно задуматься: почему, на самом деле, в свое время никто из критиков не указал на существенные ошибки «Молодой гвардии», почему не мы сами подняли вопросы, связанные с писателями А. Софоровым «Барьера Бекетова» и В. Южениновым «Отгнанный река», с повестью К. Симонова «Дым отечества»? Эти и подобные ошибки указывают на не изжитые еще приятельские отношения и в руководстве Союза писателей и в критике и на большую теоретическую слабость литературной критики.

В этом смысле я считаю большим достижением выступление М. Буенцова по поводу романа «За власть Советов». М. Буенцов выступил вопреки тому мнению, которое сложилось у руководства Союза писателей, стремившегося взять под защиту этот роман. Человек проявил глубокую принципиальность, он дал серьезный разбор произведения, не постеснялся вскрыть у квалифицированного автора и художественные ошибки.

В же в работе критика хвалят за преодоление буржуазных влияний, и приятельские отношения, и собственная теоретическая слабость, тогда ищутся силы все дурное и мелкое. Так выступают в действительности групповщина, перестраховка, боязнь «обидеть».

Надо нам навести в критике больше-вистские порядки и надо, наконец, заняться серьезно вопросам литературной теории.

В результате помощи партии несколько продвинулась вперед разработка вопросов социалистического реализма. Представление о социалистическом реализме для нас людей, которые уже участвуют в многих дискуссиях по этому вопросу, стало гораздо более ясным. Но та дискуссия, которая развернулась в журнале «Октябрь» в связи с моей статьей «Задачи литературной критики», была в значительной мере неудачной.

Неудачно можно объяснить, главным образом, тем, что, хотя в этой статье мною было поставлено немало нужных вопросов, вопросы социалистического реализма были поставлены абстрактно. И дискуссия приобрела абстрактный характер. В печати появились две развернутые работы, которые разбирали недостатки этой дискуссии и предлагали свое решение вопроса. Это работа В. Ерилова «За боевую теорию литературы!» в «Литературной газете» и статья нашего маститого латышского писателя А. Упита в журнале «Карго».

В. Ерилов и А. Упит были совершенно правы, критиковали имеющуюся в моей статье формулировку, где говорится о соединении в социалистическом реализме начала реалистического и начала романтического, а также утверждение, что реалистическое начало это, так сказать, критическое начало, а романтическое начало, так сказать, утверждающее начало. Вопрос мною был тогда недоумен до конца, и неумелая формулировка путала существо в целом довольно верно поставленного вопроса о революционной романтике, о ее необходимости. Но вся позитивная часть в статье В. Ерилова в свою очередь нуждается в критике. Он односторонне, ограничено берет формулу еще доидеалистического материализма — формулу Чернышевского «Прекрасное есть жизнь», и у него, у Ерилова, исчезает понятие о развитии, т. е. о будущем и о необходимости борьбы за него, о воспитании людей во имя будущего, во имя коммунизма. Жизнь, дескать, прекрасна сама по себе, а я — художник, то ли фотограф, то ли медведь, через которого говорит сама жизнь, и больше от меня ничего не требуется, — вот как получается у Ерилова.

В уставе Союза советских писателей есть совершенно проверенная формула, касающаяся общих теоретических основ социалистического реализма. Она была записана в тот период, когда товарищ Сталин выдвинул вопрос о методе социалистического реализма. «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Следовательно, метод социалистического реализма требует правдивого и исторически-конкретного изображения действительности, но при этом действительность надо брать диалектически, т. е. в ее революционном развитии. Это правдивое и исторически-конкретное изображение жизни должно сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. В формулировке, данной тов. А. А. Ждановым на I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, этот вопрос был развит и с другой стороны. Товарищ Жданов говорил: «Для нашей литературы, которая обнимает громады стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная. Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными неистощимыми. Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества».

Вот ясная формулировка сущности революционной романтики, как составной части социалистического реализма. За будущее, за новое нужно бороться, и это нужно уметь видеть. Ведь в жизни все время происходит борьба нового со старым, и нужно смотреть вперед. Товарищ Сталин указывает: «...диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий».

В другой своей работе товарищ Сталин говорит: «То, что в жизни рождается и изливается в день растет, — неумолимо, остановить его движение вперед невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изливается в день растет, то как бы слаб и малочислен он был он с течением, в конце концов он все же победит. Почему? Потому, что он растет, увеличивается и идет вперед. Наоборот, то, что в жизни рождается и идет к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно сего дня представляло из себя богатейшую силу».

Диалектика развития не отменяется после победы социализма.

Да, то, что сегодня было переживанием, завтра может стать отсталым, и надо бороться за новое. Ведь иначе разговор о революционной романтике теряет всякий смысл. Социалистический реализм требует показа человека в наступлении на не изжитые еще пережитки прошлого и, как говорит Андрей Упит в своей статье «Карго», — «социалистический реализм... отражает неспростное стремление людей социализма к будущему, к становлению. Но даже опережая жизнь своим видением будущего, социалистический реализм остается неизменно реалистическим. Если мы за неимением более точного словесного выражения обозначим это видение будущего словом романтизм, то не нужно упускать из виду, что этот романтизм в нашем советском искусстве полностью утерял свое обобщенное спейсифическое содержание и как органическая составная часть врос в реализм». Я в общем с этой формулировкой Андрея Упита согласен. Но с одним уточнением.

Что значит стремиться в будущее? Ведь я как писатель должен это показывать в человеке, в людях, значит, я должен найти в людях эти качества будущего. Да, реальное развитие социалистической жизни рождает в социалистическом человеке эти качества. Но для того, чтобы их изобразить, художник должен их отпустить, обобщить, тушировать. Или же он просто может фотографировать жизнь? Нет, необходимо мое отношение к этому или, как говорил тов. А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», необходимо «отбирать» лучшие качества и чувства советского человека. «Показывать эти новые высокие качества советских людей, показывать наш народ не только в его сегодняшнем дне, но и заглядывая в его завтрашний день, помочь осветить проектором путь вперед — такая задача каждого добросовестного советского писателя. Писатель не может пасть в хвосте событий, он обязан идти в передовых рядах народа, указывая народу путь его развития. Руководствуясь методом социалистического реализма, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в сущность процессов нашего развития, писатель должен воспитывать народ и вооружать его идейно. Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны показывать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед».

Формулировка «прекрасное есть жизнь» — так как она истолкована Ериловым, — недостаточна, она неидеальна, а с точки зрения изобразительной силы искусства, т. е. богатства способов изображения жизни и человека, она закрывает те исключительные возможности, которые открыты писателю — социалистическому реалисту. В этой же статье «За боевую теорию литературы!» В. Ерилов при разборе романа В. Ажаева показал, как печальным выводом может привести его теория. Как можно, например, принять такую его характеристику романа «Далеко от Москвы»?

«Удача молодого писателя В. Ажаева, автора романа «Далеко от Москвы», и за-

ключается в том, что он умел видеть поэзию в «каждом объекте» производственного труда, — пишет Ерилов. — Автору явно не хватает мастерства, он сбивается порою на наивность, особенно в изображении личной жизни героев. Язык персонажей часто безличен, авторская речь также далека от яркости. Характеры многих героев очень мало индивидуализированы. Сюжет «Далеко от Москвы» примитивен, как неестественно, прокладываемый героями романа: ход сюжета и ход строительства нефтепровода полностью совпадают».

Какая же здесь поэзия? По-моему, В. Ерилов недооценил здесь роман Ажаева. В. Ерилов дальше поясняет: «В Ажаеве не только не скрывает, но и как бы прямо декларирует, что его роман «Далеко от Москвы» есть не что иное, как оптимизированный производственный отчет. Вот так социалистический реализм! Какое счастье, что не так на самом деле обстоит дело у В. Ажаева».

Мне кажется, что В. Ерилов в своей работе «За боевую теорию литературы!» напрасно забыл столько раз цитированное у нас замечательное высказывание Ленина: «Надо мечтать!» в его работе «Что делать?»

Наименее разработанный вопрос нашей социалистической эстетики — это вопрос об идейности и художественности, содержания и формы. Незавершенность этого вопроса нам приносит огромный вред. Еще один пример неудачной дискуссии — дискуссия о В. Маяковском. В этой дискуссии все обсуждалось, во-первых, совершенно независимо от реального развития поэзии, а во-вторых, никто не попробовал реально проанализировать, что же, собственно, Маяковский внес в поэзию. Маяковский надо брать в связи с развитием всей нашей классической русской поэзии. Ведь это — должное представление, будто Маяковский появился сам по себе. Его родила Октябрьская революция. Но он не мог бы появиться, если бы не было Пушкина, Лермонтова, Некрасова и всей русской поэзии до него.

Все эти великие имена, которые я называл до Маяковского, тоже были новаторами в поэзии. Но надо показать то революционное раскрытие стиха, которое связано с именем Маяковского и которое своеобразно отразилось на всей нашей поэзии.

В апреле этого года нам предстоит отметить двадцатую годовщину со дня смерти В. Маяковского. Готовясь к этой дате, мы должны поднять все вопросы качества советской поэзии на очень высокий уровень, мы можем проверить ее Маяковским.

Без углубленной разработки вопросов идейности и художественности, содержания и формы — нам очень трудно — двигаться вперед. Мы нужно бороться — именно теперь, когда мы наметили такой конкретный удар формалистической школе, не нужно бояться того, будто мы, марксисты, не сумеем решить вопросов формы, или что критика, который будет работать в этом направлении, обвинят в формализме.

На оставлении нашей литературной критики сказались недостатки в работе Союза советских писателей и редакторов журналов. Как я уже сказал, Союз писателей, вместо того чтобы направлять критику, сам иногда делает крупные идейные ошибки и вносит путаницу в работу критиков. То же следует сказать и о редакторах журналов.

Нужно сильнее развивать критику критиков, чтобы критики критиковали друг друга. Это не значит, чтобы они «поносили» друг друга за отдельные ошибки. Они должны критиковать так, чтобы объединить большинство людей, стоящих на верном пути, и неинтерпретировать ошибки друг друга.

Нужно поставить вопрос и относительно мастерства критики. Ведь критик — литератор, и ему очень важна форма высказывания. Критические статьи должны быть написаны хорошим языком, должны быть четко построены.

Надо внимательно относиться к молодежи. Сейчас появилось очень много молодых людей, которые написали хорошие диссертации. Они из них — поэтисты, другие — помолочие. У некоторых есть ошибки. Не нужно за эти ошибки «задавать» молодого литератора. Надо помочь воспитанию молодых кадров.

Нам нужно, чтобы «Литературная газета», журналы, комиссия по теории литературы и критике начали привлекать в качестве критиков молодежь из высших учебных заведений. Надо, чтобы наши журналы расширяли площадь для критики. Журнал, где не развернута критика, не имеет своего лица.

Критика, чтобы выйти на широкий путь развития, обязана понять, что она должна знать жизнь, действительность не меньше, чем художник. Современные книги открывают новое в жизни. Без знания самой жизни нет полную и верную оценку этим книгам нельзя.

Весь партия поправила нас, литераторов, в некоторых вопросах, главным образом, именно потому, что она, руководя всем процессом строительства коммунизма, отлично знает жизнь и видит фальшь, которую мы иногда не замечаем, ослепленные побочными моментами в творчестве писателя.

Надо высмеивать не только писателей, а и критиков, которые не знают, как жить, доходя, завод, школа, пишут о книжках, посвященных трудовым резервам, не зная, как реально растут и воспитываются эти резервы.

Нали литературно-художественные критики несправят свои недостатки, если глубоко обучатся учением Ленина и Сталина, будут всеми корнями связаны с нашей жизнью и до конца преодолеют отсталость групповщины и приятельских отношений. Только тогда наша критика пойдет вперед семимильными шагами. И можно предсказать, как далеко шагнет вперед под ее благотворным влиянием великая советская художественная литература.